

УДК-324(470+571)

**ХОЛОДИЛЬНИК VS. ТЕЛЕВИЗОР?
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ НА ВЫБОРАХ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РФ 2016 Г.**

*А.Н. Щербак¹, Д. О. Смирнова, Е.П. Озернова, Е.В. Лепешко, А.П. Купка,
А.Н. Калинин*

Исследование посвящено влиянию социально-экономических факторов на электоральное поведение в России на примере выборов в Государственную думу РФ 2016 г. Почему «партия власти» набрала большинство голосов, несмотря на экономический кризис и санкции? В данной работе мы отвечаем на данный вопрос, тестируя валидность эффектов социально-экономических факторов в региональном разрезе. Используя данные итогов голосования и характеристики социально-экономического развития регионов, мы показываем, что экономическое и социальное благополучие влияют на исход выборов, правда, часто иначе, чем предсказывается стандартными теориями экономического голосования: бедные регионы в большей степени поддерживают власть. Мы называем этот эффект «ловушкой бедности».

Ключевые слова: выборы в ГД РФ 2016; экономическое голосование; Единая Россия; кризис.

Выборы депутатов Государственной думы РФ седьмого созыва, состоявшиеся 18 сентября 2016 г., оказались первыми с 2000 г. выборами, которые

¹ Щербак Андрей Николаевич – к.полит.н., ст. научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ - СПб. E-mail: ascherbak@hse.ru.

Смирнова Дарья Олеговна - студентка 3 курса департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ-СПб. E-mail: dosmirnova@edu.hse.ru.

Озернова Елизавета Петровна - студентка 3 курса департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ-СПб. E-mail: eozernova@edu.hse.ru.

Лепешко Екатерина Владиславовна - студентка 3 курса департамента менеджмента НИУ ВШЭ-СПб. E-mail: evlepushko@edu.hse.ru.

Купка Анастасия Петровна - студентка 3 курса департамента менеджмента НИУ ВШЭ-СПб. E-mail: arkupka@edu.hse.ru.

Калинин Антон Николаевич - студент 3 курса департамента социологии НИУ ВШЭ-СПб. E-mail: ankalinin_1@edu.hse.ru.

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

© Щербак А.Н., Смирнова Д.О., Озернова Е.П., Лепешко Е.В., Купка А.П., Калинин А.Н., 2017

проходили в условиях экономического кризиса и внешнеполитического напряжения. По итогам выборов явка избирателей по стране составила 47,9%, а «Единая Россия», набрав 54,19% голосов по партийному списку, впервые обеспечила себе конституционное большинство в парламенте - 76,2% мандатов (343 места). Для сравнения, на думских выборах 2011 г. явка составила 60,2%, а партия власти получила тогда 49,31% голосов и 238 мест в Думе.

С одной стороны, не совсем ясно, почему такие негативные явления в экономике страны, как то – падение ВВП, рост безработицы, значительное ослабление рубля, рост инфляции, введение санкций США и Европы, отток иностранного капитала, – не сказались отрицательным образом на голосовании за партию власти. С другой стороны, подобный результат можно объяснить сформировавшимся «оборонительным уклоном в умонастроениях значительного числа россиян». Неудивительно, что на фоне обострения кризисных ситуаций на международной арене – присоединение Крыма, конфликт в Донбассе, Сирийский кризис – произошел подъем патриотических настроений среди населения.

Подчеркнем, что особенную роль в усилении российского патриотизма играет вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, что затронуло все слои российского общества. Как следствие, наблюдался высокий уровень и стабильная поддержка населением федеральной власти (за два последних года рейтинг В. В. Путина не опускался менее 80 %).

Противостояние экономических трудностей и внешнеполитических успехов, преподносимых официальным российским телевидением, часто преподносится как конфликт условных «холодильника» (материального благосостояния) и «телевизора» (силы государственной пропаганды).

Теории экономического голосования предполагают, что граждане чувствительны к изменению своего благосостояния и на выборах могут как «поощрять» правительство за улучшение экономической ситуации, так и «наказывать» за экономические трудности. Правда, часто делается оговорка – если проблема безопасности отступает на второй план. Если эти теории верны, то стоило бы ожидать падения поддержки партии власти на выборах 2016 г., но никак не ее роста. Предположение, что экономическое положение, как личное, так и страны в целом, совсем не влияет на электоральное поведение, кажется все же несостоятельным. Едва ли стоит считать российских избирателей «ненормальными», тем самым утверждая вечную победу «телевизора» над «холодильником». Безусловно, мобилизация населения на фоне внешнеполитических кризисов, падение явки из-за переноса выборов могли сыграть свою важную роль в исходе выборов. Отметим, что предыдущие работы по данной теме показывали влияние разнообразных экономических факторов на голосование в России [4, 35–49], хотя есть и сомнения в применимости подобных моделей [9].

Мы считаем, что российские избиратели, хотя и находятся в некотором роде «ненормальных» условиях, являются «нормальными» избирателями и реагируют на изменения социально-экономического положения в стране. Вопрос в том, как реагируют, и какие факторы являются определяющими. Россия – это страна с крайне высоким региональным разнообразием, и особенности социально-экономического развития регионов ожидаемо отражаются на политическом поведении. Наш исследовательский вопрос: каким образом экономическое благосостояние регионов повлияло на итоги думских выборов 2016 г.?

В работе ставится задача выявить наиболее значимые социально-экономические детерминанты электорального поведения на парламентских выборах 2016 г. Используя данные ЦИК об итогах выборов и данные Росстата о социально-экономическом положении на уровне регионов, мы тестируем ряд гипотез о влиянии различных факторов: экономического положения, социального благополучия, проникновения интернет-технологий, социального капитала. Наши результаты показывают, что социально-экономическое благополучие все же оказывает определенное влияние на электоральное поведение.

В первой части мы описываем теории экономического голосования, рассматриваем их особенности применения в российском случае, обращая особое внимание на сравнение выборов 2011 и 2016 гг. Во второй части работы представлены гипотезы, переменные, методология исследования. Третья часть посвящена результатам нашего исследования. В Заключении мы обобщаем наши выводы и сравниваем их полученными ранее результатами.

Экономическое голосование в России. На выбор избирателей могут влиять множество факторов – ранняя политическая социализация и партийная идентификация, групповые (классовые) предпочтения. Подход к электоральному поведению с точки зрения рационального выбора в значительной степени подчеркивает не экспрессивную, эмоциональную привязанность избирателя, а расчет выгод и издержек. Одним из наиболее популярных подходов, объясняющих выбор избирателя, являются теории экономического голосования, которые подчеркивают влияние экономических факторов на электоральные предпочтения граждан.

Теории экономического голосования. Согласно теориям экономического голосования, электоральное поведение гражданина может быть характеризовано по двум измерениям – масштаб и время. По масштабу предметом суждения выступает собственный кошелек или экономическое состояние страны. Если гражданин руководствуется малым (кошельком), то голосование обретает эгоцентричный характер. Если же он ориентируется на экономические показатели по стране, то его поведение расценивается как социотропное. По времени имеется в виду оценка пройденного этапа или надежда на будущие перспективы. Когда избиратель оценивает своим голосом дости-

жения правительства в прошлом, то голосование называется ретроспективным. Если избиратель делает ставку на ожидаемую в ближайшем будущем эффективную политику с участием определенной группы лиц (избираемых лиц), тогда это перспективное голосование. Наиболее простым видом экономического голосования признается эгоцентричная ретроспективная модель. Она предполагает, что избиратель может и не понимать динамики развития экономики в целом, но довольно хорошо разбирается в изменении своего собственного достатка за последние несколько лет.

В некоторой степени теории экономического голосования близки теории модернизации, которая утверждает, что постоянное повышение материального благополучия в долгосрочной перспективе ведет к масштабным сдвигам в социальной структуре общества, самым важным из которых является появление большого среднего класса. Политическая активность последнего во многом определяет как скорость демократизации в авторитарных режимах, так и устойчивость демократии в развитых странах. Согласно обновленной теории модернизации Р. Инглхарта и К. Вельцеля, посредником между экономическим благополучием и демократией являются определенные ценности: переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения является важной предпосылкой для демократии. Логично также предположить, что в определенной степени верна и обратная связь: затяжной экономический кризис, размывание среднего класса способны провоцировать авторитарные тенденции. Набирают силу ценности выживания, которые поощряют поворот к консерватизму, традиционализму и авторитаризму. Таким образом, экономическое развитие влияет на политическое поведение не только через восприятие избирателями материального благополучия, но и опосредованно – через изменение социальной структуры.

При каких условиях граждане голосуют эгоцентрично, а при каких – социотропно? Ряд исследований показывает, что более образованные избиратели склонны голосовать эгоцентрично, тогда как менее образованные – социотропно [14, 127–145]. Такой подход получил название «теории гетерогенной атрибуции», утверждающей, что когнитивная способность человека, приписывающая причинную ответственность за социально-политические явления в значительной степени обусловлена его или ее уровнем политической утонченности. С этой точки зрения, именно эгоцентричное голосование, более обдуманное и взвешенное, отражает демократическую культуру электорального поведения и подталкивает правительство отчитываться за проводимую экономическую политику. Исследование немецких выборов 2009 г. подтверждает данный тезис. Данные выборы проводились в период глубокого экономического кризиса, в связи с этим политическое поведение безработных или временно работающих представляло особый интерес. В ходе исследования было выявлено, что временные работники (а также безработные) значительно полагаются на ожидания и восприятие их будущего финансово-

го положения, когда они принимают решение о политической поддержке. Также результаты показали, что «тенденция голосования за оппозицию в таком случае удивительно слабая, и вместо этого [исследуемая группа людей] воздерживается от голосования вовсе».

С другой стороны, президентские выборы в США 2012 г. показывают обратный пример. Ухудшение экономического положения страны практически не отразилось на поддержке действующего президента Барака Обамы, и он был переизбран на второй президентский срок. В этом случае избиратели винили в экономическом спаде другого актора политико-экономической сферы. При этом президент на тот момент ценился за другие заслуги или возлагаемые на него надежды.

Эти наблюдения позволяют нам сделать вывод о том, что теории экономического голосования довольно гибки и могут быть применены к разным контекстам. Изменения экономической ситуации в стране могут по-разному влиять на политическое поведение избирателей, в зависимости от различных факторов. В одних случаях граждане могут продолжать поддерживать действующую власть, в других – наказывать, а третьих – просто отказаться от участия в выборах. Для более точного понимания применимости данных теорий для анализа российских выборов, далее мы рассмотрим связь экономического положения и результатов выборов в России.

Применение теорий экономического голосования на российских выборах. Судить о проявлениях социотропного или эгоцентричного голосования на выборах в 1990-е гг. довольно затруднительно ввиду того, что в постсоветский период времени «политический спрос в России носил латентный характер». Электоральные практики складывались в основном благодаря деятельности «новоиспеченных» элит, постоянно борющихся за ресурсы. Тем не менее, эти «правила» были созданы в условиях открытой конкуренции, поэтому можно полагать, что выборы 1990-х гг. отражали действительную волю избирателей. Однако едва ли теории экономического голосования могут быть применимы для анализа выборов в данный период, по крайней мере, в своем «чистом» виде. Резкое падение ВВП, структурная перестройка экономики и связанный с ней рост безработицы, высокая инфляция и падение реальных доходов, хроническая невыплата зарплат и пенсий являются теми факторами, которые никак не могут побудить избирателей поддержать проправительственные силы на выборах. Результаты думских выборов показывают, что партии власти довольствовались минимальной поддержкой электората – от 15,51% за «Демократический выбор России» до 10,13% за НДР в 1995 г. и некоторый рост до 23,29% за Единство в 1999 г.. На этих выборах всегда победу удавалось удержать оппозиции: ЛДПР с 22,92% в 1993 г., КПРФ в 1995 и 1999 гг. с 22,30% и 24,29% соответственно. Правительственным партиям приходилось либо подчеркивать свои неэкономические успехи, либо призывать избирателей оценивать не отсутствующие достижения, а

предлагаемые ожидания. Эта же логика применима и по отношению к президентским выборам: лозунг президентской кампании 1996 г. «Голосуй сердцем!» призывал отказаться от рационального подсчета выгод и издержек; в итоге Ельцин победил. Тем не менее, экономические факторы некоторым образом влияли на голосование в 1990-х гг. Правительство проводило «политику трансфертов», которая награждала или наказывала регионы за политическую лояльность на выборах [19]. В самом общем виде отмечалось, что бедные регионы голосовали за КПРФ, а богатые – за «Яблоко» [1].

Если 1990-е гг. прочно ассоциировались с периодом экономического кризиса, то 2000-е гг. – с бурным экономическим ростом. При Президенте В.В. Путине уровень экономического развития страны начал стабильно улучшаться. В связи с этим отметился рост поддержки режима и стабилизация его статус-кво. За успешную социально-экономическую политику россияне «вознаграждали» правительство своей электоральной поддержкой. Кроме того, резкий рост нефтегазовой ренты и фискальная централизация существенно повысили возможности Кремля в использовании «политики трансфертов», позволив ему фактически диктовать свою политическую волю региональным элитам. Экономические достижения – не единственная причина электоральных побед «партии власти» в 2000-х гг., стоит добавить и манипуляции законодательством о партиях и выборах, и укрепление «вертикали власти», но без них сложно объяснить возросшую популярность правительства. Если на выборах 2003 г. «Единая Россия» набрала 37,56% голосов, то в 2007 г. – уже 64,3%. Успехи оппозиции стали довольно скромными: крупнейшая оппозиционная партия КПРФ в 2003 г. получила 12,61%, а в 2007 г. – 11,57% голосов. Можно предположить, что до 2008 г. электоральное поведение максимально было близко к теориям экономического голосования: граждане довольны улучшением своего материального благополучия и на выборах «награждают» правительство своей поддержкой.

В 2008–2009 гг. российская экономика довольно сильно пострадала от глобального экономического кризиса, несмотря на масштабную антикризисную программу правительства. Тем не менее, кризис оказался довольно скоротечным, и уже в 2010 г. вновь начался экономический рост. Фактически, российская экономика восстановилась от кризиса за 2010-2011 гг.: падение 2009 г. в -8% ВВП компенсировалось ростом в 8% за 2010-2011 гг. Эти условия стали фоном для думской избирательной кампании 2011 г.

Выборы 2011 vs. выборы 2016. У двух последних парламентских выборов есть одна важная общая черта – это сопутствующий внешний эффект экономического кризиса. Однако одинаково ли мы можем судить о двух предвыборных кампаниях и итогах самих выборов? Этот вопрос нас подводит к тому, что нужно сопоставить масштабы и влияние экономического кризиса на российскую экономику в 2008 и 2014 гг. Первое – это стремительное снижение цен на нефть с 143,95 долл. США на 04.07.2008 до 33,73 долл.

США на 26.12.2007. Для сырьевой экономики России обвал нефтяных котировок создает фатальные последствия, связанные, прежде всего, с финансированием бюджетной системы страны. Впрочем, летом следующего года уровень нефтяных цен начал повышаться, к 2010 г. он стабилизировался на 70-80 долл. США за баррель, и это за год до думских выборов. Следовательно, в предвыборной кампании 2011 г. проблема сырьевой зависимости уже не стояла ребром.

В первом квартале 2014 г. котировки в среднем составляли 107,75 долл. США за баррель, к концу года они сократились наполовину. Однако далее не последовало восстановления и стабилизации уровня цен, к концу следующего года стоимость упала ниже 40 долл. При этом минимум отмечался лишь в январе 2016 г. – 32,13 долл. за баррель, и это за полгода до выборов. Экономический кризис 2014 г. наступил не так стремительно, как в 2008 г., но его продолжительность оказалась дольше, растянувшись на 2,5 г. и оставаясь актуальной в преддверии выборов.

Следующим одинаковым последствием кризисов является «ограничение доступа российских компаний и банков к зарубежному финансированию». В 2008 г. причиной послужил мировой финансовый кризис, начавшийся в США с дестабилизации ипотечной системы. Так как кризис носил глобальный характер, то в России он не воспринимался как провал исключительно финансовой политики российского правительства. В случае 2014 г. груз ответственности пришелся именно на внутренние институты власти. Катализатором экономического кризиса в России стали агрессивные геополитические действия Кремля по присоединению Крыма, а впоследствии эскалация войны на юго-востоке Украины. Последний экономический кризис, в силу его более затяжного характера, ударил сильнее и ощутимее по экономике России и в результате по материальному состоянию россиян.

Отличительными нюансами избирательной системы на выборах 2016 г. явились возврат к смешанной несвязанной избирательной системе (с появлением мажоритарной части и понижением избирательного барьера с 7% до 5%) и лепестковое деление одномандатных округов. Теперь они представляли собой смесь городской и сельской территории, «в подавляющем большинстве случаев города были поделены на части, к которым присоединялись села». В итоге, отчасти благодаря административному ресурсу и неготовности других партий артикулировать интересы граждан в одномандатных округах, кандидаты от «Единой России» выиграли в 203 округах.

Сравним результаты выборов 2011 и 2016 гг. (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнение результатов выборов 2011 и 2016 гг. [3]

	2011		2016	
<i>Явка</i>	60,2%		47,9%	
<i>Единая Россия</i>	238	49.31%	140 + 203 = 343	54.19%
<i>КПРФ</i>	92	19.19%	35 + 7 = 42	13.34%
<i>ЛДПР</i>	56	11.68%	34 + 5 = 39	13.14%
<i>Справедливая Россия</i>	64	13.25%	16 + 7 = 23	6.23%

Источник: ЦИК РФ

Какие изменения мы наблюдаем? Для нас главными являются, во-первых, падение явки избирателей - с 60,2 до 47,9% (на 12,3%, а это примерно 18 млн чел.). Во-вторых, за «Единую Россию» проголосовало на 4,89% больше избирателей, партия получила на 105 мест в Думе больше. Этот рост был обеспечен за счет уменьшения доли голосов других партий: КПРФ (13,34 вместо 19,19%) и «Справедливой России» (6,23 вместо 13,25%).

Важным отличием кампании 2016 г. стал внешнеполитический кризис, начавшийся после победы Евромайदानа в Киеве в феврале 2014 г. Присоединение Крыма, вовлеченность России в конфликт на Донбассе, западные санкции и российские контрсанкции явились ключевыми событиями третьего президентского срока В.Путина. Патриотическая мобилизация в России, рост поддержки президента Путина, усиление пропаганды в СМИ значительно повлияли на оценку правительства гражданами. В России сработал «эффект флага» (rally around the flag). Вопросы безопасности отодвинули на второй план вопросы благополучия, партия «телевизора» одержала победу над партией «холодильника». Однако мы не можем с уверенностью утверждать, что «телевизор» полностью заслонил гражданам «холодильник». Мы предполагаем, что восприимчивость избирателей к экономическим вопросам снизилась, но не исчезла полностью. В следующих частях нашей работы мы проверим, какой эффект имели факторы социально-экономического благополучия на результаты голосования, в региональном разрезе.

Данные и методы. В качестве эмпирического материала мы используем официальные данные Центральной Избирательной Комиссии (ЦИК) по выборам в ГД РФ 2016 г. по федеральному избирательному округу. Наши зависимые переменные – это доли голосов, отданные за партии «Единая Россия» (ЕР), КПРФ и «Яблоко». Наши независимые переменные – это показатели социально-экономического благополучия. Официальную информацию

по социальным и экономическим показателям субъектов России предоставляет Росстат. Все показатели взяты на 2015 г.

Безработица - уровень зарегистрированной безработицы на конец года по данным Федеральной службы по труду и занятости; выражено в процентах.

Доходы – среднедушевые денежные доходы населения; натуральный логарифм (LN) руб./ месяц.

Расходы – потребительские расходы в среднем на душу населения; LN руб./ месяц.

Автомобили – число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения на конец года; LN (шт.).

ВРП – валовой региональный продукт на душу населения; в рублях (LN).

Трансферты – безвозмездные поступления (взято из таблицы доходов консолидированных бюджетов субъектов российской федерации за 2014 г.); млн руб. (LN).

Инвестиции – в основной капитал на душу населения; выражено в рублях (LN).

Иностраный капитал – Число организаций с участием иностранного капитала, (LN).

Ученые – численность исследователей с учеными степенями на 10 тыс. чел.

Пенсионеры – численность пенсионеров на 1000 чел.

Село – доля сельского населения в общей численности населения.

Интернет – доля домохозяйств, имевших доступ к сети Интернет.

Преступления – число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел.

Заболеваемость – на 1000 чел.; выражено в зарегистрированных заболеваниях у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни.

Аборты – прерывание беременности (аборты) на 100 родов.

Миграция – коэффициенты миграционного прироста на 10 тыс. чел.

Убийства – число зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 100 тыс. чел.

Мы выдвигаем следующие гипотезы:

(H1) Экономическая гипотеза заключается в том, что на фоне кризисных явлений в российской экономике избиратели предпочтут проголосовать за оппозицию, нежели за партию власти, то есть мы ожидаем, что снижение таких показателей, как: ВРП на душу населения, инвестиции, уровень занятости, среднедушевые денежные доходы, число собственных легковых автомобилей (прокси для неформальной оценки доходов), трансферты – отрицательным образом будут сказываться на поддержке партии «Единая Россия».

Иными словами, чем выше уровень жизни населения, тем выше активность избирателей и поддержка партии власти.

Разновидностью экономической гипотезы является (H1a) поселенческая гипотеза, которая предполагает, что в малых городах и селах власть является единственным ресурсом для решения социально-экономических проблем, голосование за оппозицию не свойственно регионам с большой численностью сельского населения. Следовательно, чем больше доля сельского населения в регионе, тем очевиднее голосование за партию власти.

(H2) Гипотеза социального благополучия предполагает, что в регионе с высоким уровнем преступности, заболеваемости, абортот и миграции будет низкий уровень голосования за партию власти.

Для проверки наших гипотез мы используем метод линейной регрессии.

Влияние социально-экономических факторов на голосование в ГД РФ 2016 г. Результаты показывают, что социально-экономические факторы влияют на голосование, но в ином, чем предсказывала бы теория, направлении. Модели 1 и 2 показывают, что за партию власти голосуют бедные регионы: с более высокой безработицей, трансфертами, инвестициями, но с более низкими доходами и расходами. Показатели среднедушевых доходов, ВРП на душу населения, инвестиций оказались незначимыми. Примечательно, что эти модели работают и в отношении оппозиции, но с противоположными знаками: Модель 3 оказывается своего рода зеркальным отношением Модели 1 для КПРФ, а Модель 4 – отражением Модели 2 для ЛДПР. Избиратели «Единой России» не наказывают ее за экономический кризис; поддержка оппозиции в какой-то мере ассоциируется с ухудшением экономической ситуации.

Таблица 2

«Экономическая гипотеза» на выборах в ГД РФ 2016 г.

Социально-экономические факторы	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
	Доля голосов за ЕР		Доля голосов за КПРФ	Доля голосов за ЛДПР
	Стандартизованные Бета-коэффициенты			
Инвестиции (log)	0,282*	-	-0,344*	-
Расходы (log)	-0,609**	-	0,364**	-
Трансферты (log)	0,418**	-	-0,401**	-

Окончание табл. 2

<i>Безработица, %</i>	-	0,282**	-	-0,271*
<i>Автомобили на 1000 чел.</i>	-	-0,333**	-	0,261*
R-квадрат	0,308	0,256	0,172	0,191
Adjusted R-квадрат	0,282	0,238	0,141	0,172
N наблюдений	85	85	85	85

Уровень значимости: *** 0.01 ; ** 0.05 ; + 0.1

Следующие модели добавляют переменные, связанные с типом поселения и доступом к Интернету. Мы рассматриваем доступ к Интернету как прокси для доступа к альтернативным источникам информации. Примечательно, что во всех моделях доля сельского населения положительно связана с голосованием за партию власти, а доля домохозяйств с доступом к Интернету – отрицательно. Включение владельцев автомобилей как прокси для доходов (Модель 6) не меняет картину. Модель 7 представляет собой довольно четкую картину природы поддержки Единой России: сельское население, с низкими доходами, с невысоким доступом в Интернет, но зато получающее трансферты из Центра. Это модель с наивысшим R–квадратом для объяснения результатов «Единой России» (0,372). Модель 10 зеркально отражает результаты модели 8 для ЛДПР.

Таблица 3
«Поселенческая гипотеза» на выборах в ГД РФ 2016 г.

Социально-экономические факторы	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8
	<i>Доля голосов за ЕР</i>			<i>Доля голосов за ЛДПР</i>
	<i>Стандартизованные Бета-коэффициенты</i>			
<i>Доля пользователей Интернета</i>	-0,237*	-0,232*	-0,219*	0,345**
<i>% сельского населения</i>	0,373**	0,273*	0,272*	-0,215 ⁺
<i>Автомобили на 1000 чел.</i>	-	-0,274**	-0,253**	0,193*
<i>Трансферты</i>	-	-	0,190*	-

Окончание табл. 3

R-квадрат	0,302	0,366	0,402	0,355
Adjusted R-квадрат	0,285	0,343	0,372	0,332
N наблюдений	85	85	85	85

Уровень значимости: ‘***’ 0.01 ; ‘*’ 0.05 ; ‘+’ 0.1

Следующая гипотеза проверяет влияние факторов социального благополучия (табл. 4). Модель 9 показывает, что поддержка выше в тех регионах, где лучше показатели социального благополучия: ниже преступность, заболеваемость, аборт, миграция. Модель 10 зеркально отражает эти переменные для объяснения голосования за ЛДПР. На этом этапе можно сделать осторожный вывод о более весомой значимости факторов социального благополучия по сравнению с экономическим благополучием.

Таблица 4

Гипотеза «социального благополучия» на выборах в ГД РФ 2016 г.

Социально-экономические факторы	Модель 9	Модель 10
	<i>Доля голосов за ЕР</i>	<i>Доля голосов за ЛДПР</i>
	<i>Стандартизованные Бета-коэффициенты</i>	
<i>Заболеваемость</i>	-0,249**	0,150⁺
<i>Преступность</i>	-0,402**	0,396**
<i>Миграция</i>	-0,254**	0,175*
<i>Аборты</i>	-0,264*	0,403**
R-квадрат	0,441	0,530
Adjusted R-квадрат	0,413	0,507
N наблюдений	85	85

Уровень значимости: ‘***’ 0.01 ; ‘*’ 0.05 ; ‘+’ 0.1

В следующей группе моделей мы показываем, какие переменные более всего способны объяснить результаты оппозиционных партий. Модель 11 показывает, что для избирателей КПРФ более всего важна низкая безработица и высокая преступность (R-квадрат = 0,170). Избиратели ЛДПР реагируют

на высокую преступность, высокое число аборт, при высоком доступе в Интернет (R -квадрат = 0,601). Избирателей «Яблока» характеризует высокая доля пенсионеров, ученых, пользователей Интернета, которые реагируют на высокую заболеваемость и в чьих регионах заметно число компаний с иностранным капиталом (R -квадрат = 0,643). Это подтверждает вывод К.Калинина относительно социетальных размежеваний, актуальность которого приходилась на 2003 г., что «образовательное размежевание является лучшим социетальным предиктором голосования за либералов». Интересно, что в наших моделях преобладают не экономические переменные (только безработица и иностранный капитал), а индикаторы социального благополучия (преступность, аборт, заболеваемость), социальной структуры (доля пенсионеров, ученые), доступ к Интернету.

Таблица 5

Факторы голосования за оппозиционные партии на выборах в ГД РФ 2016 г.

Социально-экономические факторы	Модель 11	Модель 12	Модель 13
	Доля голосов за КПРФ	Доля голосов за ЛДПР	Доля голосов за Яблоко
	Стандартизованные Бета-коэффициенты		
Безработица, %	-0,317**	-	-
Преступность	0,225*	0,270**	-
Доля пользователей Интернета	-	0,370**	0,158*
Аборты	-	0,404**	-
Заболеваемость	-	-	0,166*
Пенсионеры, %	-	-	0,217*
Ученые	-	-	0,512**
Иностр. капитал	-	-	0,303**
R -квадрат	0,189	0,615	0,665
Adjusted R -квадрат	0,170	0,601	0,643
N наблюдений	85	85	85

Уровень значимости: *** 0.01 ; * 0.05 ; + 0.1

Так работают ли в России теории экономического голосования? В определенной степени можно дать утвердительный ответ на данный вопрос. Мы можем говорить о взаимосвязи индикаторов социально-экономического развития и результатов голосования на региональном уровне. На основании полученных результатов сложно сделать вывод о характере голосования в России – эгоцентричное или социотропное. Мы можем лишь констатировать, что оказались незначимыми такие показатели, как ВРП на душу населения, среднедушевые денежные доходы, уровень занятости, доля убыточных организаций, но сработали – инвестиции, потребительские расходы, трансферты, уровень безработицы, число организаций с участием иностранного капитала, автомобили на 1000 домохозяйств (как прокси для оценки неформальных доходов). Экономическая гипотеза нашла некоторое подтверждение, но в ином смысле: опору «партии власти» составили избиратели бедных регионов, которые точно не стали наказывать правительство за отсутствие прогресса в развитии территорий их проживания. Почему? Возможно, отчасти ответ можно найти в подтверждении гипотезы «социального благополучия». Избиратели награждают правительство за сохранение параметров не экономического, а социального благополучия. Возможно, граждане в меньшей степени разбираются в тонкостях экономической политики, но явно понимают, как она отражается на преступности или заболеваемости. Альтернативная интерпретация допускает, что избиратели готовы «потерпеть» какое-то время, к чему их призывает ТВ, либо масштаб кризиса оценивается не так остро, происходит адаптация к кризису. Однако после определенного порога граждане начинают испытывать недовольство. На основании этих наблюдений мы можем сделать вывод, что база поддержки «Единой России» – это бедные, неразвитые, но относительно благополучные регионы. Парадоксальным образом экономический кризис укрепил социальную основу российского политического режима. В каком-то смысле, мы даже можем увидеть реакцию на протесты 2011–2012 гг.: средний класс крупных мегаполисов оказался наименее нелоялен, однако, бедные регионы – лояльны. Кризис больше всего ударил по среднему классу, увеличивая число бедных. Отметим, что бедные и сельские регионы гораздо легче встраиваются в региональные политические машины [16, 228–263].

Заключение

Кто же побеждает в битве «телевизора» и «холодильника» в России? Наши результаты говорят, что этот раунд остается скорее за «телевизором», однако, для «холодильника» не все потеряно. Решительно отстраняясь от любых эпитетов социального презрения к российским гражданам (типа, «ватники»), мы интерпретируем наши результаты как своего рода «ловушку бедности». Бедные регионы не наказывают правительство за экономический кризис, опасаясь еще большего ухудшения положения. Высокая безработица и низкие доходы делают население этих регионов «податливым» к включе-

нию в региональные политические машины, ставшие ключевым элементом электорального авторитаризма в России. Трансферты из Центра и низкий доступ к Интернету (как информационной альтернативе телевидению) дополняют эту картину. Отметим, что именно это лояльная база более всего подходит на бенефициара политики «консервативного поворота», обозначенной с началом третьего срока президента В.Путина. Провластный электорат кажется наиболее восприимчивым к традиционным ценностям, консерватизму и усилению роли религии и церкви в обществе. Это еще более способно поддерживать эти регионы в «ловушке бедности».

Примечательно, что голосование за такие оппозиционные партии, как КПРФ и ЛДПР оказывается связанным с ухудшением социального благополучия. Мы интерпретируем эти результаты как своего рода «порог» терпения для избирателей: они начинают голосовать за иные партии, если экономический спад сказывается на социальной сфере.

Отметим определенные ограничения нашего исследования. Во-первых, мы изначально допускаем валидность официальных данных избиркомов. В наши цели не входило найти ключевые предикторы результатов выборов, а скорее объяснить полученные цифры с помощью исключительно социально-экономических предикторов. Во-вторых, мы намеренно не включали никакие политические переменные – степени демократичности региона, наличие внутриэлитных конфликтов, силу губернаторов и т.п. Причина невключения та же – мы хотели проверить силу именно социально-экономических факторов. В-третьих, мы не контролировали этнический состав регионов. Есть ряд работ, которые допускают, что именно этнический состав будет самым сильным фактором успеха «Единой России» [15, 15–27; 20, 524–546; 21, 1–21]. Доля этнических русских будет связана отрицательно, а доля титульных меньшинств – положительно. Предполагая, что включение этих факторов «вынесет» значимость социально-экономических индикаторов, мы решили ограничиться только подходом в рамках теорий экономического голосования.

Граждане смогут наказывать правительство за экономические провалы, только если выберутся из «ловушки бедности». С этой точки зрения, экономический кризис «наказывает» граждан, отбирая у них возможности критически реагировать на экономическую политику правительства. Ухудшение экономического положения чревато «бунтом отчаяния», которое рискует выплеснуться за рамки электорального противостояния. Только экономический рост может привести на избирательные участки критически мыслящих избирателей, готовых как награждать, так и наказывать своим голосом власти.

Библиографический список

1. Анохина Н. В., Мелешкина Е. Ю. Итоги голосования и электоральное поведение. М., 2002. [Anokhina N. V., Meleshkina E. Yu. Voting results and electoral behavior. Moscow, 2002].
2. Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. БХВ-Петербург. 2013. [Gel'man V. Ya. Out of the frying pan into the fire: Russian politics after the USSR. St. Petersburg, 2013].
3. Инфографика «Выборы в Госдуму–2016» [Электронный ресурс] // Сетевое издание «РИА Новости». [Graphics “Elections to the State Duma, 2016” // RIA Novosti].
4. История выборов в Государственную Думу 1993–2011 гг. [Электронный ресурс] // Сайт дума11.ру. [The history of the elections to the State Duma 1993–2011 // Web-site дума11.ru].
5. Калинин К.О. Социетальные размежевания и электоральное поведение в России (1993–2003 гг.) // Общественные науки и современность. 2006. №. 5. С. 35–49. [Kalinin K. O. Societal delimitation and electoral behavior in Russia (1993–2003) // Social Sciences and Modernity. 2006. No. 5. P. 35–49].
6. Коргунок Ю.Г. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам выборов 2011 г. // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2014. №. 3 (74). [Korgunuk Yu. G. Regional map of electoral cleavages at 2011 State Duma elections // Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics "Politeia". 2014. No. 3 (74)].
7. Кынев А.В. Российские выборы–2016: предсказуемая кампания с непредсказуемыми последствиями // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. №. 6 (110). С. 57–74. [Kunev A. V. Russian elections-2016: predictable campaign with unpredictable consequences // NZ. Debates on politics and culture. 2016. No. 6 (110). P. 57–74].
8. Нарезка избирательных округов столкнулась с сопротивлением в Госдуме [Электронный ресурс] // Мария Макутина. Сайт РБК. 22 сентября 2015. URL: <http://www.rbc.ru/politics/22/09/2015/5601352a9a79477cc994337a> (дата обращения: 08.05.2017). [Delimitation came up against the resistance of the State Duma. 22.09.2015. Available at: <http://www.rbc.ru/politics/22/09/2015/5601352a9a79477cc994337a> (accessed 08.05.2017)]
9. Петухов В.В., Седова Н.Н. Внутренние угрозы vs внешние угрозы для России: динамика общественных настроений // Власть. 2015. №. 6. [Petukhov V. V., Sedova N. N. The internal threats vs external threats to Russia: the dynamics of public opinion // The Power (Vlast'). 2015. No. 6].
10. Туровский Р.Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // Журнал политической философии

- и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2012. №. 3 (66). [*Turovsky R. F.* Electoral space of Russia: from imposed nationalization towards new regionalization? // *Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics "Politia"*. 2012. No. 3 (66)].
11. *Щербак А. Н., Сенников Е. В., Лисовский Т. А.* Economic Voting in the 2011–12 Russian Elections // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2013. Т. 4. С. 168–183. [*Shcherbak A. N., Sennikov E. V., Lisovsky T. A.* Economic Voting at the Elections of 2011–12 // *Review of Political Science*. 2013. No. 4. P. 168–183].
 12. *Щербак А.Н.* Экономический рост и итоги думских выборов 2003 г. // Третий электоральный цикл в России. 2003. Т. 2004. С. 196–216. [*Shcherbak A.N.* Economic growth and the results of the Duma elections of 2003 // *The third electoral cycle in Russia*. 2003. Т. 2004. P. 196–216].
 13. *D'Elia J., Norpoth H.* Winning with a bad economy // *Presidential Studies Quarterly*. 2014. Vol. 44. No. 3. P. 467–483.
 14. *Gel'man V.* The Politics of Fear: How the Russian Regime Confronts Its Opponents // *Russian Politics & Law*. 2015. Vol. 53. No. 5–6. P. 6–26.
 15. *Gomez B.T., Wilson J.M.* Cognitive heterogeneity and economic voting: A comparative analysis of four democratic electorates // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. No. 1. P. 127–145.
 16. *Goodnow R., Moser R. G., Smith T.* Ethnicity and electoral manipulation in Russia // *Electoral Studies*. 2014. Vol. 36. P. 15–27.
 17. *Hale H. E.* Explaining machine politics in Russia's regions: Economy, ethnicity, and legacy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19. No. 3. P. 228–263.
 18. *Inglehart R., Welzel C.* *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence.* Cambridge University Press, 2005.
 19. *Marx P.* The insider-outsider divide and economic voting: Testing a new theory with German electoral data // *Socio-Economic Review*. 2016. Vol. 14. No. 1. P. 97–118.
 20. *Treisman D.* *After the deluge: Regional crises and political consolidation in Russia.* University of Michigan Press, 2001.
 21. *White A. C.* How ethnicity matters in Russian elections: ethnic minorities and support for the United Russia party // *Eurasian Geography and Economics*. 2015. Vol. 56. No. 5. P. 524–546.
 22. *White A. C., Saikkonen I. A. L.* More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections // *Ethnopolitics*. 2016. P. 1–21.

Данные и статистика:

1. Динамика цен на нефть с 1990 г. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС информационное агентство. 2014. 14 нояб. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1572991> (дата обращения: 08.05.17).
2. Динамика цен на нефть Brent (ICE.Brent, USD за баррель) [Электронный ресурс] // сайт «Яндекс. Новости». Данные предоставлены: ЗАО «Интерфакс». URL: <https://news.yandex.ru/quotes/1006.html> (дата обращения: 08.05.17).
3. Расчет стоимости: ПЭК [Электронный ресурс] // Транспортная компания: ПЭК. URL: <https://pecom.ru/services-are/the-calculation-of-the-..> (дата обращения: 17.03.2017).
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_14p/Main.htm (дата обращения: 10.11.16).
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения: 18.02.17).
6. Traffic Statistics [Электронный ресурс] // Suez statistics: [сайт]. URL: <http://www.suezcanal.gov.eg> (дата обращения: 06.03.2017).

**FRIDGE VS. TV: ECONOMIC VOTING IN THE 2016 DUMA ELECTIONS
IN RUSSIA**

A.N. Shcherbak

Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Laboratory for Comparative Social Research (Higher School of Economics), Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics - St. Petersburg

D.O. Smirnova

Student, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics - St. Petersburg

E.P. Ozernova

Student, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics - St. Petersburg

E.V. Lepeshko

Student, Department of Management, Higher School of Economics - St. Petersburg

A.P. Kupka

Student, Department of Management, Higher School of Economics - St. Petersburg

A.N. Kalinin

Student, Department of Sociology, Higher School of Economics – St. Petersburg

The project aims to test the concept of economic voting in the 2016 Duma elections in Russia. The key idea is to find an explanation how the changes in the standard of living over the previous five years had affected the support for the “party of power”. According to the standard theory of economic voting, voters reward the government for economic growth and punish it for economic crisis. However, the accession of Crimea and the Ukrainian crisis have caused the opposite effect: the rise of patriotism and the trust in the current political regime and in president Vladimir Putin personally. Using the OLS method, the authors test the impact of various indicators on the share of votes gained by the United Russia party across the regions. They state that social and economic predictors matter, but in a theoretically unexpected way: poor regions reward the government. The effect may be called a “poverty trap”.

Keywords: 2016 Duma election; economic voting; United Russia; crisis.